АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени академика Н. Я. МАРРА
СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

Я 309/234

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

I

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ДВЕ НАДПИСИ НА СЕВЕРНОМ МАВЗОЛЕЕ 1152 г. В УЗГЕНДЕ

Заслуженной славой пользуются развалины трех мавзолеев в Узгенде в КирССР. Мавзолеи эти являются прекрасными памятниками караханидской архитектуры XI—XII вв. Лучше других сохранился северный мавзолей 1152 г., являющийся по времени своей постройки промежуточным звеном между средним, наиболее ранним, и южным, наиболее поздним (1186—1187 гг.) мавзолеями. Портал северного мавзолея ценен не только своей разнообразной декоровкой (выкладка орнаментов кирпичиками и неполивными резными изразцами, резьба по гянчу), но и двумя прекрасно сохранившимися и весьма содержательными надписями. Одна из надписей помещена над дверью, начинается на правой щеке арки, тянется длинной полосой по фасадной стороне и кончается на левой щеке. Надпись эту можно назвать арабско-тюркской, так как, кроме арабской титулатуры и имен, в ней имеются еще тюркские имена и титулы. Выполнена эта надпись в стиле куфи. Вторая надпись тянется по стрельчатой арке портала красивой орнаментальной полосой и являет собой замечательный образец монументального декоративного насха.

Обе надписи в мусульманской эпиграфической сокровищнице XII в. займут исключительное место хотя бы уже потому, что они сохранили не только все свои слова, но и все буквы в полной неприкосновенности. Насколько нам известно, среди надписей XII в. это весьма редкий, если не единственный случай. Северный мавзолей не раз подвергался описанию как сам по себе, так и в совокупности с средним и южным,[1] однако до настоящего времени не появилось о них монографии, в которой они были бы изучены как с точки зрения архитектуры, архитектурной декоровки, так и специально эпиграфики.

[1] Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. 1927, стр. 18 и сл. — Б. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. Вопросы реставрации, изд. Центральных реставрационных мастерских, М., 1926, стр. 154. — М. Е. Массон. Рецензия — „Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация", Вопросы реставрации, М., 1926, стр. 137—138, 15 фототипий, 6 чертежей; Известия по изучению Таджикистана, I, стр. 236. — П. Корнилов. Узген и его памятники. 1931. — Ernst Cohn-Wiener. Turan, Islamische Baukunst in Mittelasien. Berlin, 1930, стр. 19 и сл., 35. Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, стр. 44 и сл., 11 и сл. — Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940, стр. 42 и сл.

Портал северного мавзолея 1152 г. представляет интерес главным образом с трех точек зрения: 1) места, которое он занимает в истории возникновения и развития порталов в Средней Азии, 2) места, которое он занимает в эволюции архитектурной орнаментики и 3) места, которое занимают его две надписи в эпиграфике архитектурных памятников Средней Азии.

Оставляя первые два вопроса совершенно в стороне, автор настоящей заметки не ставит себе задачей разрешить целиком и третий вопрос, считая, что для этого еще не настало время, так как среднеазиатской эпиграфики как дисциплины еще нет, а что касается ее эпиграфических богатств, то, за исключением весьма немногого, они еще не опубликованы. В большинстве случаев до настоящего времени из среднеазиатских архитектурных надписей извлекались даты постройки, имена возводивших здания правителей и имена, буде они имелись, строивших здания или работавших над их украшением мастеров. Предварительной задачей при создании такой эпиграфической дисциплины является удовлетворительное с научной точки зрения, издание надписей, установление их текста и перевод. Только после этого можно ставить вопросы о почерках и их особенностях, об орнаменте и участии в нем надписи как существеннейшего его элемента и т. д. Скромную задачу публикации надписей и ставит себе автор настоящих строк.

Первая надпись Северного мавзолея 1152 г., выполненная в стиле куфи, не была еще полностью издана. Вторая, — исполненная в стиле декоративного насха и помещенная на стрельчатой арке портала, вместе с верхней частью последнего была опубликована главным образом с учетом декоративного значения в книге Кон-Винера „Туран“.[1]

Надписи на узгендском мавзолее впервые подверглись изучению М. Е. Массоном в его поездку в Узгенд в конце апреля и начале мая 1927 г. К сожалению, М. Е. Массон так и не опубликовал обещанного им в печати разбора узгендских памятников. Единственное, что имеется в качестве результатов его поездки в Узгенд, это небольшое, но весьма ценное примечание к стр. 236 упомянутой выше его рецензии на статью Б. Н. Засыпкина „Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация“. Позволим себе в интересах дела привести это примечание целиком. „Так как разбор узгендских памятников будет дан мной в другом месте, я ограничусь здесь лишь замечанием, что надписи на памятниках встречаются уже на более ранних зданиях, чем северный узгендский мавзолей, который по впервые разобранным мною в 1927 году надписям на портале принадлежит одному из членов династии илеков, Тогрул Карахакану Хусейну, сыну Хасана, сына Али, умершему в день среды, четвертого месяца реби II, в 547 году хиджры“.[2] М. Е. Массон соединил здесь наиболее существенные данные, имеющие историческое значение, из двух надписей — над дверью и на стрельчатой арке. Однако эти существенные данные далеко не исчерпывают содержания двух надписей.

[1] Ernst Kohn-Wiener, Turan, Berlin, 1930.

[2] Указ. соч., стр. 236, прим. 1.

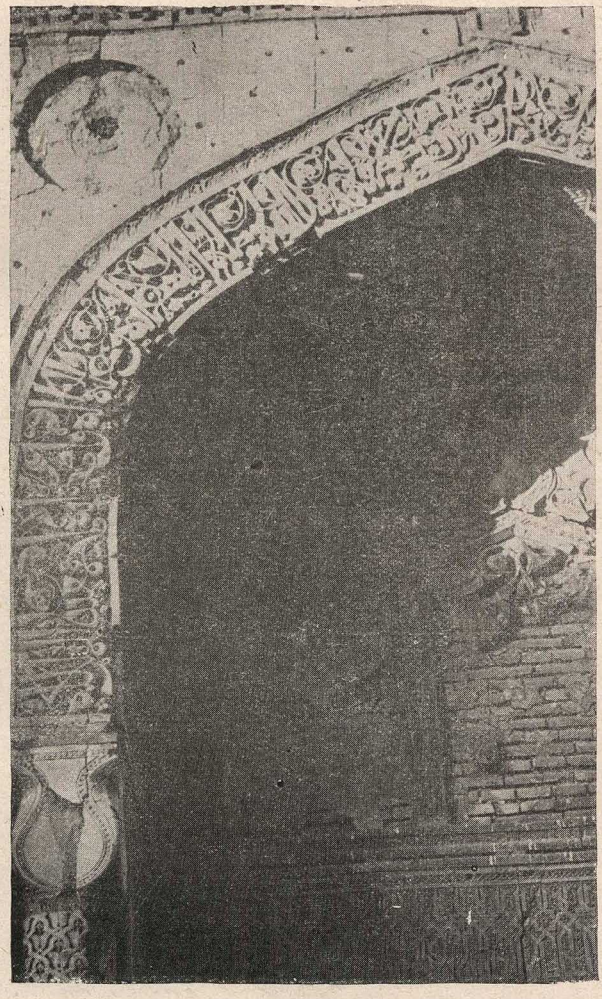

Рис. 1. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись насхи, левая сторона.

Рис. 2. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись насхи, правая сторона.

Рис. 3. Северный мавзолей в Узгенде.
Надпись архивольта.

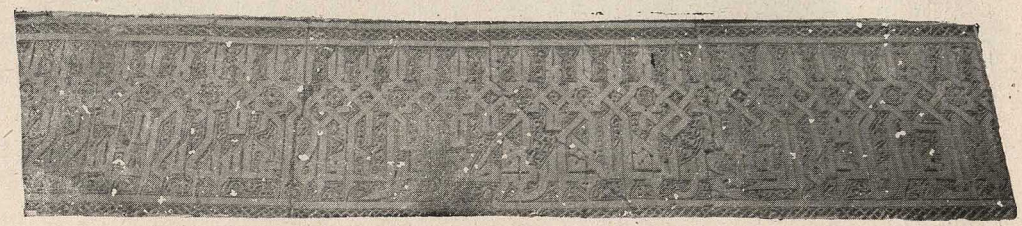

Рис.4. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, деталь.

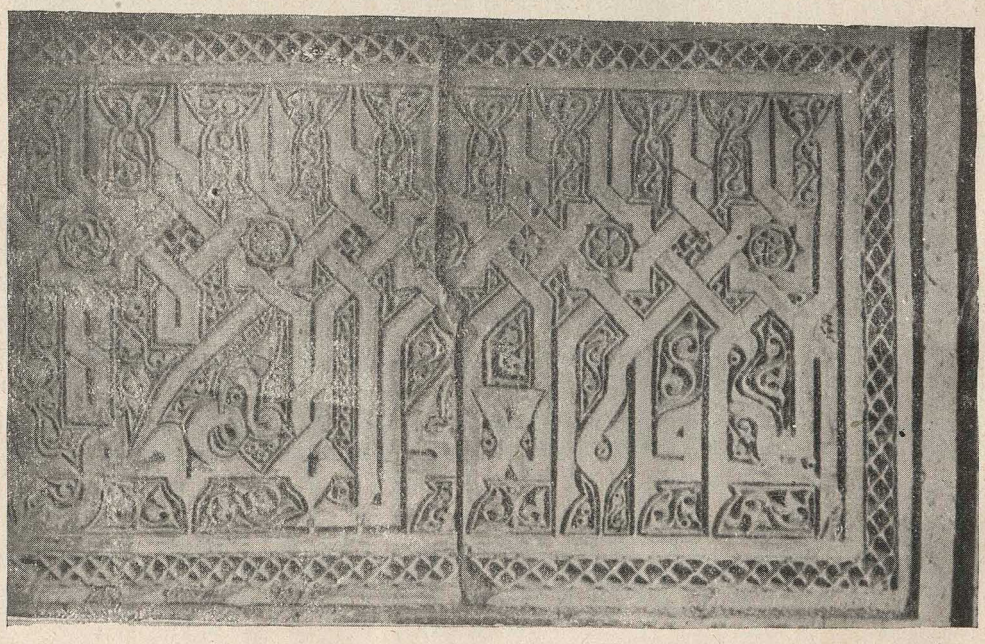

Рис. 5. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 1.

Уже после появления рецензии М. Е. Массона упомянутый выше венский профессор вновь дал краткое содержание двух этих надписей, однако с некоторым вариантом. Он не упомянул тюркского имени „Тугрул Карахакан", которое прочел М. Е. Массон, но зато добавил „Джелал-ад-дин". Дату прочли оба: „Среда раби II 547 г. хид." Насколько нам известно, никто более не опубликовал содержания надписей, хотя имя караханидского правителя и дата построения здания поминались в литературе много раз.

Ввиду того, что в надписях имеются части неопубликованные и представляющие несомненную научную ценность, позволим себе привести обе их целиком. Считаем необходимым издать их, а также делаем попытку полного чтения их текста. Начнем с верхней надписи, помещенной на стрельчатой арке (рис. 1—3) Надпись эта читается следующим образом:

آغاز کرده آمد بنا دولت خانه روز چهار شنبه چهارم ماه ربیع اخر سال پانسد
وچهل هفت از هجرت مصطفی محمد النبی صلی الله علیه و علی آله واصحابه اجمعین
املد لله

'(Эта) давлет хана начата постройкой в среду четвертого месяца раби второго в год пятьсот сорок седьмой хиджры Мустафы Мухаммеда пророка, да благословит Аллах его, семью его, всех его сподвижников. Царство принадлежит Аллаху'.

Надпись эта в известном отношении может быть признана уникальной. В ней встречаются факты, мимо которых пройти невозможно. Дата построения здания, приведенная по-персидски, является для домонгольского времени случаем чрезвычайно редким. Выражение آغاز کرده آمد, являющееся типичной таджикской конструкцией, засвидетельствовано, судя по нашей надписи, уже в середине XII в., что само по себе должно представить большой интерес для истории таджикского языка.

Термин „давлет-хана" в значении „мавзолей" (а в этом сомневаться нельзя) нам встречается впервые. Кроме того, в слове پانسد вместо ص стоит س, что характерно для ранних персидских текстов, каким и является данная надпись. В надписи дата обозначает начало постройки мавзолея, а не время смерти похороненного здесь лица, как сказано в примечании у М. Е. Массона, который не имея лесов, не мог ее, повидимому, всю изучить.

Вторая надпись, исполненная в стиле куфи и помещенная над дверью портала, говорит о лице, которое здесь похоронено (рис. 4—9). Надпись читается следующим образом:

الخاقان العادل الاعظم جلال الدنیا و الدین الپ قیلچ تونگا بلگا ترک طغرل قرا
خاقان الحسین بن الحسن بن علی مجتبی خلیفة الله ناصر امیر المؤمنین الملک

'Хакан справедливый, могущественный, слава мира и веры, Алп Килыч Тунга Бильга Тюрк Тугрул Карахакан Хусейн ибн Хасан ибн Али, избранник Аллаха, помощник эмира правоверных, царь'.

М. Е. Массон из этой надписи опубликовал только „Тугрул Карахакан Хусейн сын Хасана сына Али", между тем как в самой надписи имя и титул представлены значительно богаче. Он назван „Алп Килыч Тунга Бильга

Тюрк". Выше сказано, что упомянутое в надписи лицо и было похоронено в этом мавзолее. Однако формальных оснований для такого утверждения не имеется, так как, кроме имени и титула, надпись ничего не содержит. Таким образом лицо это могло с таким же основанием быть принято и за хакана, по приказанию которого мавзолей возведен. Если же мы все-таки склоняемся к первому утверждению, то только потому, что на мусульманских мавзолеях принято упоминать иногда имя похороненного лица без указания, что здесь находится его могила. Весьма интересной и оригинальной чертой второй надписи является сочетание в сложном имени и титулатуре упомянутого лица арабских и тюркских элементов. За обычным „ал-хакан ал-'адил ал-а'зам джалал-ад-дуниа ва-д-дин" мы читаем „Тунга Бильга Тюрк". Следуя за арабской титулатурой, эти тюркские три слова представляются нам тюркской частью титула.[1]

Характерно, что и имя у него тюркско-арабское: Алп Килыч Тугрул Карахакан Хусейн ибн Хасан ибн Али. Повидимому, в Узгенде XII в., столице ферганских илеков, лежащей на краю мусульманского мира, арабско-иранские элементы не были очень сильны. Тюрки илек-ханы еще носили свои тюркские имена и титулы и, повидимому, только в официальных случаях присоединяли к ним титулы и имена арабские. Эта двойственность и сохранилась в надписях на мавзолее 547/1152 г. Характерно, что даже во второй половине XIII в. в районе, столь же густо населенном тюрками, в Таласской долине, наблюдается аналогичный случай. В 1899 г. В. В. Бартольд опубликовал в тексте и переводе присланную ему В. А. Каллауром надпись с надгробного памятника, находящегося в мавзолее Кишк-аулие[2] в городе Джамбуле (тогда Аулиеата). Надпись гласит, что здесь похоронен правитель

[1] Правильность чтения слова تونكا, как „тунга" подтвердил член-корреспондент Академии Наук СССР С. Е. Малов. На мой вопрос, встречается ли это слово в тюркских языках и особенно в древнетюркском языке, С. Е. Малов любезно ответил мне письмом, в котором привел весьма ценные справки из своей картотеки. Привожу с разрешения С. Е. Малова наиболее интересные из них. 1) تيمور تونكا — собственное имя. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Казань, 1906—1914, стр. 161. — П. М. Мелиоранский. Отрывки из сочинения Абуль-Гази, стр. 62. 2) В турецко-сирийских семиреченских памятниках встречается Arslan tonga (по Радлову и Хвольсону töngä) — собственное имя — мужское. См.: П. К. Коковцов. Изв. Акад. Наук, 1907, стр. 441—442, 444. 3) В соч.: W. Radloff. Uigur. Sprachdenkmäler, p. 298 (tonga), p. 281 — Qutlug tonga (собств. имя). 4) У Махмуда Кашгарского, см.: Brockelmann, Mitteltürk. Wortschatz, p. 213 (tonga tiger).

Tonga Alpär
Tonga tigin
Tonga han
} Махмуд Кашгарский, III, 272.

5) В разных памятниках уйгурской письменности tonga — герой, мужественный, тигр. См., нап. имер, в уйгурском переводе сутры „Золотого блеска" (изд. В. Радлова и С. Малова), p. 208, tonganyng küči — сила героя; p. 425, tonga — герой. В Qutadgu bilig (изд. Радлова, ч. II, 1900—1910, стр. 257 — по Каирской версии) ai ärsik tonga („o edler Grosser"). — F. W. K. Müller. Uigurica, IV, p. 24 (отд. отт.), tonga — Held."

[2] В. В. Бартольд, ЗВО, XII, стр. IV—V.

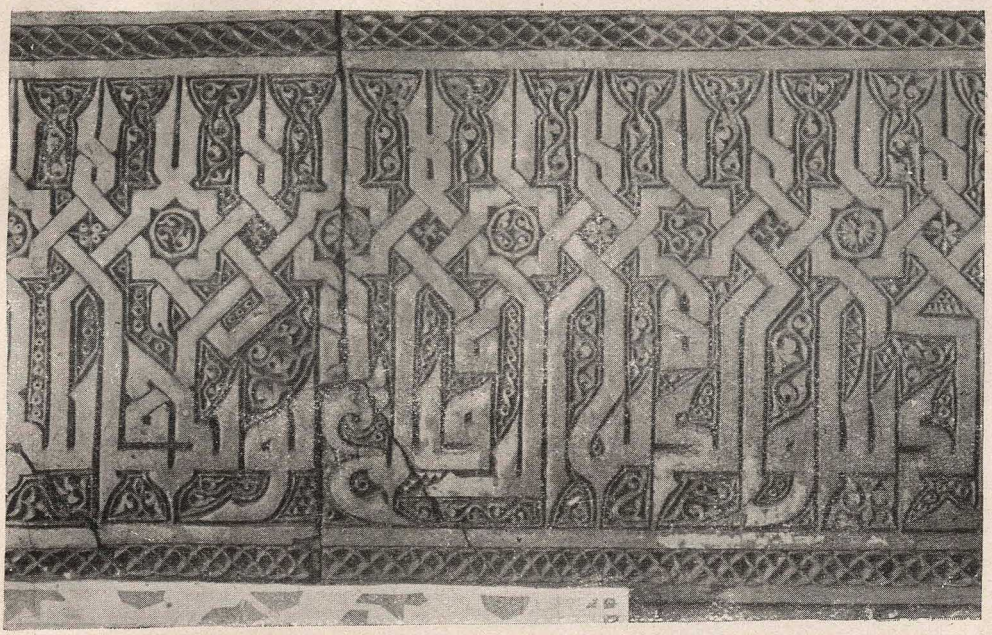

Рис. 6. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 2.

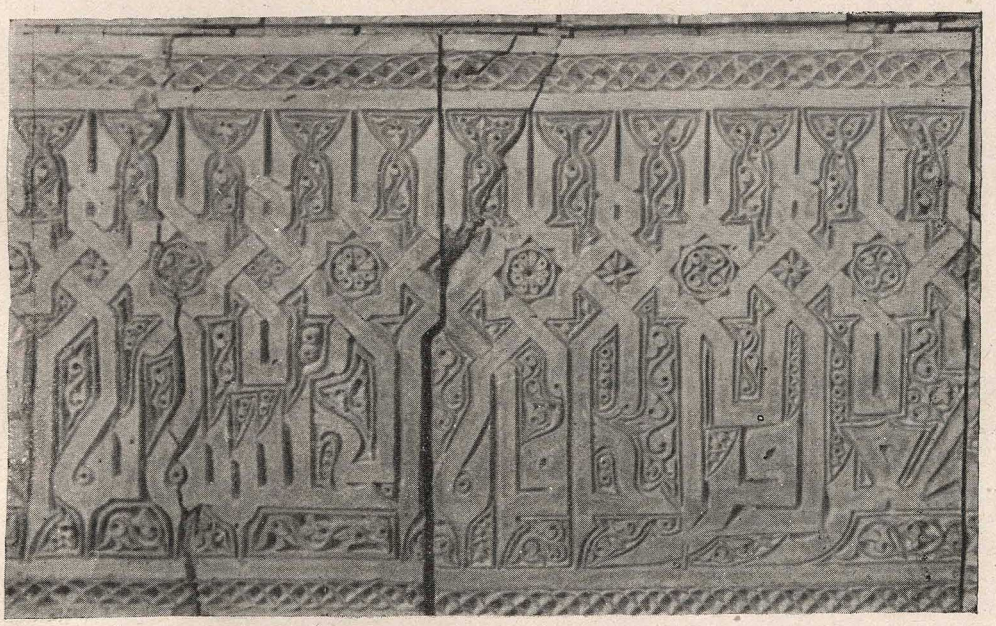

Рис. 7. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 3.

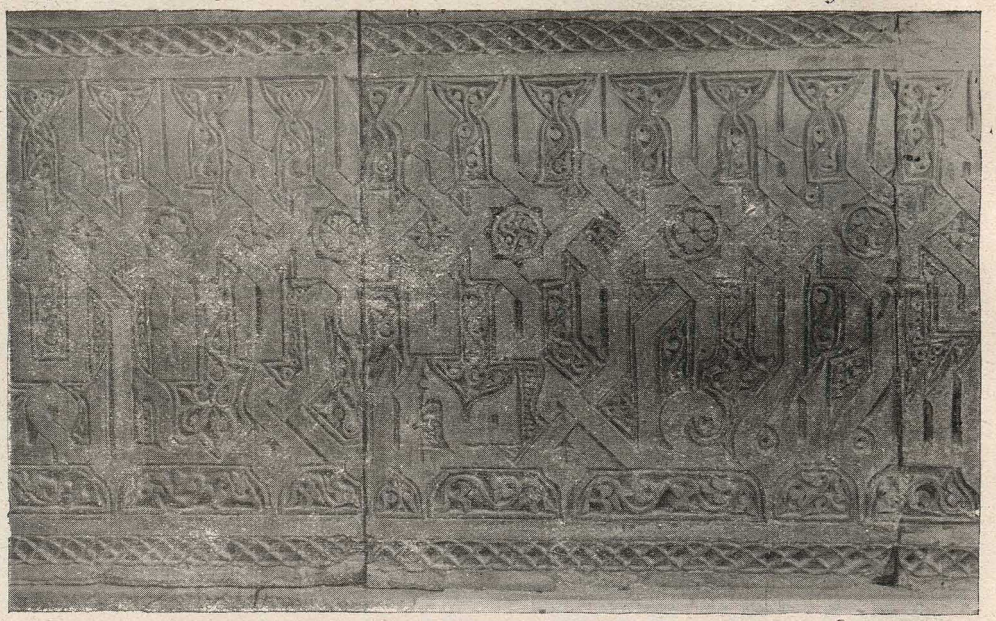

Рис. 8. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 4.

Рис. 9. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 5.

بلغ بولكا الغ بيلكا اقبال خان داود بيك اسفهسلار بن الياس اوغول بيك الشهنشاه

т. е. 'Балыг-Булга-Улуг-Бильга-Икбал-хан Давуд-бек Исфахсалар сын Ильяс Огул-бека Шаханшаха'. Дата смерти указанного лица 8-го джумади I 660|31 III 1262 г.[1]

В данной надписи интересным фактом является соединение в титулатуре и имени арабских элементов (Икбāл, Дāвуд) с иранскими (Исфахсалар, Шаханшах) и тюркскими, которых больше всего.

В числе других тюркских титулов имеется знакомое по узгендской надписи слово بيلكا — „Бильга". Не ошибся ли переписчик, а вслед за ним и В. В. Бартольд в чтении слова بولكا — Булга, не является ли это словом تونكا — Тунга? Интересно, что тюркские элементы в титулатуре и имени местного правителя сильны еще в 1262 г., т. е. спустя почти полвека после начала монгольского нашествия.

А. М. Беленицкий в 1938 г. видел эту надпись на месте, что дало ему возможность более точно ознакомиться с начертанием отдельных слов и букв. В чтение надписи им внесены некоторые поправки, касающиеся главным образом имени.

Вот как выглядит имя и титул похороненного здесь лица:

و... بلغ وبكه الغ بيلك اقبال خان داد [داود?] اسفهسلار بن الياس... دد اغول بيك السهير داد بلك الطر[ازى]

Надписи с узгендского северного мавзолея 1152 г. весьма ценны и как памятники декоративного искусства, поскольку надписи на мусульманских мавзолеях входят в общую систему орнамента как один из наиболее важных участков. В своей статье „Notices sur les inscriptions de la mosquée Djoum'a à Véramine" В. А. Крачковская правильно замечает, что два стиля — куфи и монументальный насх — в Средней Азии в XII в. сосуществовали и соперничали каждый в своем совершенстве.[2] Это ее замечание относится к южному узгендскому мавзолею 1186|87 гг. В еще большей мере ее слова „les deux genres d'écriture coexistent et se disputent les rôles" могут быть применимы к северному мавзолею 1152 г.

Рассмотрим сначала надпись, выполненную в стиле куфи. Составлена надпись из десяти больших терракотовых плит.[3] Надпись выполнена в технике резьбы по глине. В орнаментальном отношении надпись представляет, как полагается, сочетание куфических букв, геометрического плетения и стилизованных растительных мотивов. Заключена надпись в рамку, составленную из параллельных полосок, внутри которых изображена сотообразная плетенка. Характерной чертой разбираемого куфи является орнаментальная роль высоких

[1] В. В. Бартольд, указ. соч., стр. V.

[2] V. Kratchkowskaia, указ. соч., Extrait de la Revue des Études Islamiques, 1931, стр. 25. К вопросу о декоративных особенностях двух узгендских надписей В. А. Крачковская еще раз вернулась в своей интересной статье „Ornamental Naskhī inscriptions". A Survey of Persian art, т. II, стр. 1774—1775.

[3] Автор настоящей заметки, к сожалению, утерял свои записи с размерами высоты и длины надписи.

„палкообразных“ букв „алифа“ „ляма“, „кяфа“ и других. Верхние части этих букв создают геометрическое плетение, беспрерывно тянущееся по всей линии надписи. Главной частью этого плетения являются чередующиеся восьмиконечные звезды и квадраты, поставленные на угол. Верхние части „палкообразных букв“ выводятся попарно заостренными концами вверх. Другим заостренным концом эти буквы выведены вниз. В гнездах, образованных куфическими буквами и вышеотмеченным геометрическим плетением, помещен стилизованный растительный орнамент. По большей части это стебли с двумя или тремя трилистниками. Внутри упомянутых выше звезд размещены розетки, составленные из четырех или восьми лепестков, или звезды и кружки с включенными в них композициями из трилистников. Характерной чертой всей орнаментной композиции надписи является обычная для Средней Азии и Ирана неповторяемость орнамента. Орнамент одного гнезда чем-нибудь да отличается от орнамента другого. В целом надпись производит впечатление монументальности в полном соответствии с общей декоровкой портала.

Перейдем теперь к надписи, помещенной на стрельчатой арке и выполненной в стиле монументального, правда очень стилизованного под растительный орнамент, насха. В силу этой своей особенности надпись читается с трудом, особенно, если исследователь встречается с такой эпиграфической разновидностью впервые. Надпись скомпонована так, что в нижней половине ее размещены буквы, а в верхней — растительные детали. Мастер, вырезавший в глине буквы и растительные мотивы (стебли, листья), придал своему почерку характер максимальной близости к растительному орнаменту. „Палкообразным“ буквам — „алифу“, „ляму“, „кяфу“ — он сообщил характер стеблей, достигнув этого тем, что вывел эти буквы со значительным утончением книзу. Да и во всех остальных буквах этой надписи мастер дает, где только возможно, сочетание утончающихся и утолщающихся линий. Некоторые буквы нелегко даже сразу разобрать, настолько им придан характер стилизованного растительного орнамента, точнее его элемента. В этом отношении особенно характерны буквы ع ن ه ي при всех их положениях в слове.

Обе надписи как со стороны своего содержания (имена, титулатура, язык), так и декоративной обработки еще не раз привлекут к себе внимание исследователя, настолько они ценны и интересны.

не сказано о воздействии представителей русской революционно-демократической мысли на А. А. Иванова, о встречах его с А. И. Герценом, от которого художник жаждал получить ответы на мучившие его вопросы, о сближении его в последний период его жизни с Н. Г. Чернышевским. Правильная мысль о том, что «возникновение передвижничества, его идейное содержание и организационные формы явились прямым результатом демократического движения 60-х гг.» (стр. 829—830), к сожалению, не раскрыта конкретно. В учебнике даже не упоминается о происшедшем под прямым идейным влиянием Чернышевского и Добролюбова «бунте 14» в Академии художеств в 1863 г.— отказе группы радикально настроенной молодёжи во главе с И. Н. Крамским от участия в конкурсе на предложенный мифологический сюжет, выходе её из Академии, образовании «Артели художников», положившей начало передвижничеству. Отметим также, что среди имён крупнейших русских художников 60—80-х годов, примкнувших к передвижникам, упоминается имя К. Маковского (стр. 829), далеко не типичного для этого направления, но отсутствуют имена таких выдающихся представителей передвижничества, как В. Маковский и Н. Ярошенко. Как видим, ряд вопросов истории русской культуры XIX в. освещён вне органической связи с политической жизнью России, с развитием её передовой общественной мысли. Это, несомненно, один из крупных недостатков той части учебника, которая посвящена истории русской культуры.

Несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемый том, освещающий ход исторического развития России с начала XIX в. до событий, непосредственно подводящих к периоду бурного подъёма 90-х годов, в целом является полезным пособием для исторических факультетов высших учебных заведений, для всех, изучающих историю нашей Родины. Широкое обсуждение II тома «Истории СССР» на кафедрах высших учебных заведений и в печати окажет неоценимую услугу авторскому коллективу, который, как можно надеяться, учтёт сделанные критические замечания при переиздании учебника.

Н. Сладкевич

Б. Г. ГАФУРОВ. *История таджикского народа.* В кратком изложении. Том I. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Под ред. И. Брагинского. Институт истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР. Госполитиздат. 1949. 475 стр.

С именем Б. Г. Гафурова советский читатель уже знаком по работам «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины» (Сталинабад. 1944), написанной совместно с Н. Прохоровым, и «Таърихи мухтасари халки точик» — «Краткая история таджикского народа» (Сталинабад. 1947).

Рецензируемая книга представляет подвергшийся значительной переработке русский перевод второй из указанных работ.

По существу, книгу Гафурова можно назвать первой работой на русском языке, освещающей историю таджикского народа. Она даёт целостную картину развития социально-политической и культурной жизни таджиков с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции.

Раскрывая книгу, читатель сразу же обратит внимание на её заглавие: она называется не «История Таджикистана», а «История Таджикского народа». Таджикский народ ещё разобщён; большая его часть находится за пределами СССР, на территории Афганистана и частично Ирана, хотя в прошлом эти зарубежные земли, населённые таджиками, составляли неразрывное целое с областями Средней Азии, находясь в составе среднеазиатских государств.

В кратком предисловии автор отмечает тесную переплетённость судеб таджиков и других народов Средней Азии — узбеков, туркмен, казахов и киргизов: «Все эти народы соединяла уже с далёкого прошлого общая борьба против местных и иноземных угнетателей. Все они прошли один и тот же исторический путь: от феодализма, с помощью победившего пролетариата России, прямо к социализму, минуя мучительную стадию капитализма» (стр. 5—6).

Одним из труднейших вопросов написания истории таджикского народа является вопрос о размежевании истории таджиков и узбеков. Ни у кого из народов Средней Азии не переплетены так тесно судьбы, хозяйство, культурная жизнь, как у таджиков и узбеков. Характерно, что у таджиков, говорящих на языке иранской системы, и узбеков, говорящих на языке тюркской системы, в прошлом в культуре и быту наблюдалась бо́льшая близость, чем у узбеков и других тюркоязычных народов СССР. Объясняется это тем, что в этногенезе таджиков и узбеков имеется много общих элементов.

Не подвергая специальному рассмотрению этот вопрос, я всё же хотел бы остановиться на одном весьма существенном моменте. Территория Узбекистана в древности была

населена согдийцами и хорезмийцами. Первые вошли в состав не только таджикского, но и узбекского народа Известно, что узбекский народ — сложное этническое образование Это образование составили не только древние тюркоязычные элементы Средней Азии, не только пришедшие в конце XV и в XVI в из сырдарьинских и приаральских степей и перешедшие в Мавераннахре на оседлый земледельческий труд кочевники-узбеки но и согдийцы, а потом и таджики, постепенно отюреченные в языковом отношении Мощный пласт узбекского народа в городах Ферганы, в долине Заравшана, отчасти Чирчика и Кашка-дарьи представляет отюреченных (в языковом смысле) таджиков, которые ещё в XV в., как, например, в Маргелане, говорили на таджикском языке.

Как известно, народы представляют собой не расовые, а исторические образования, являясь иногда весьма сложными этническими комплексами Наличие согдийских и таджикских элементов в узбекском народе при полной общности исторических судеб сближало таджиков и узбеков в культурном отношении В прошлом они и сами различали себя только по языку Этногенез таджиков не так сложен, как этногенез узбеков. Однако и у этого народа слагаемыми элементами были не только древние согдийцы, бактрийцы и тохары, но и частично тюрки, которые в некоторых районах растворились среди массива оседлых таджиков, потеряв свой язык

Нужно признать весьма ценной мысль автора связать сложение таджиков как народа со сложением феодализма в Средней Азии. Б. Г. Гафуров относит «образование таджикского народа и его государственности» ко времени Тахиридов и Саманидов, т. е. к IX—X вв., считая, что процесс этот завершился уже в X веке.

Работая над своей книгой, Б. Г Гафуров не прошёл мимо важных проблем этногенеза таджикского и узбекского народов. Это помогло ему правильно подойти к вопросу о размежевании при написании раздельных историй двух братских народов Средней Азии Автору ясно, что в течение долгих веков события и культурная жизнь этих двух народов разворачивались совместно на одной территории, причём в раннем средневековье в Мавераннахре преобладало таджикское население, а в последующие периоды — узбекское. Говоря о прошлом таджикского народа, Гафуров, понятно, не мог не коснуться тех областей Согда (в древности) и Мавераннахра (в средние века), которые ныне входят в состав Узбекистана. Нет беды в том, что в «Историю народов Узбекистана» и в «Историю таджикского народа» входят в некоторые периоды одни и те же области Такова была в прошлом историческая действительность, и игнорировать её нельзя.

Сейчас, в условиях нашей советской эпохи, эта историческая общность таджиков и узбеков сближает два братских народа Средней Азии О скрещении ираноязычных и тюркоязычных элементов на территории Мавераннахра Б Г Гафуров пишет: «Этот процесс сопровождается сближением этих племён и народностей с древним населением Средней Азии. Совместные действия тюрков с согдийцами характерны для борьбы народов Средней Азии с иноземными захватчиками В течение веков совершается переход прежде всего малоимущих слоёв тюркских кочевников к оседлости и земледелию Усиливается смешение и скрещение тюркских народностей с согдийцами и хорезмийцами, с сакско-массагетскими племенами, причём у складывающейся таким образом народности преобладающей оказалась тюркоязычная речь. На этой основе и формируется узбекский народ, вобравший в себя, таким образом, как и другие народы Средней Азии, культурное наследие древних её обитателей» (стр 223).

В вопросах этногенеза мы поставили бы автору только один упрёк Тюркский элемент он усматривает в Средней Азии только с VI века. До этого времени в среднеазиатском Междуречье, по его мнению, жили только племена и народности ираноязычной системы. Так ли это? Автор забыл простую истину, что народы старше имени, которое они носят.

Наша историческая наука, особенно археология, располагает сейчас фактами, которые дают право утверждать, что и до VI в. н. э. в Согде имелось тюркоязычное население.

Надо полагать, что в новом издании книги автор согласится с правильностью этой точки зрения и внесёт соответствующие изменения в текст.

Большой заслугой автора является то, что на протяжении всей своей книги он подчёркивает оригинальность и самобытность культуры народов Средней Азии, в частности, таджиков Всему миру известны культурные богатства Средней Азии в древности и средние века в области изобразительных искусств, архитектуры, литературы и наук. Однако современная буржуазная историография Западной Европы, Америки, а также Ирана и Афганистана насквозь пропитана лживыми утверждениями о том, что культура Средней Азии не оригинальна, что культурные ценности были завезены туда из Ирана и Афганистана либо созданы руками мастеров, попавших в Среднюю Азию в результате грабительских походов её правителей.

Б. Г. Гафуров опровергает эти псевдонаучные положения многочисленными фактами. Читатель найдёт в книге сведения о великих представителях таджикского народа, сыгравших огромную роль в культурной жизни не только среднеазиатского и переднеазиатского Востока, но и Европы: о Рудеки, слепом поэте и музыканте, основоположнике таджикской поэзии, о Дакики, о Фирдоуси и его величественном творении «Шах-намэ», об историке Балами, переводчике на таджикский язык знаменитого свода по истории ат-Табари, написанного на арабском языке, и других — целой плеяде замечательных дарований X в., о гениальном учёном—медике, естествоиспытателе и философе Али ибн Сина (Авиценна), о поэте, философе и путешественнике Насир-и-Хосрове, творивших в XI веке. Подобные сведения читатель получит почти для каждого столетия.

К сожалению, уделив такое большое внимание вопросам таджикской литературы и отчасти науки, автор мало останавливается на памятниках материальной культуры, изобразительного искусства и архитектуры, которыми так богата Средняя Азия.

Б. Г. Гафуров указывает на то, что крупнейшие культурные достижения народов Средней Азии не прошли незаметно для жизни сасанидского Ирана: «Нужно отметить, что народы Средней Азии оказали большое влияние на культурное развитие западных иранцев сасанидского государства. Так, например, шелководство проникло в Иран из Средней Азии. Эпос различных народов Ирана явно вобрал в себя творчество народов Средней Азии, особенно Хорезма и Согда. Культура периода Сасанидов, как и культура ахеменидского периода, многим обязана, таким образом, деятельности среднеазиатских народов» (стр. 116).

К сожалению, автор ничего не говорит о Бактрии, т. е. областях южного Таджикистана, которые вместе с собственно Бактрами (в средневековье — Балх), также населёнными таджиками, играли огромную роль в культурном развитии сасанидской Персии.

Книга Б. Г. Гафурова вскрывает закономерности развития истории народов Средней Азии в условиях искусственного орошения и соседства с кочевниками. Весьма ценным является привлечение автором работы Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», в которой говорится об особенностях рабства на Востоке, в отличие от античного (см. стр. 95).

Как утверждает автор, в течение по крайней мере восьми столетий (с IV в. до н. э. до V в. н. э.) Средняя Азия жила в условиях рабовладельческого общества. В этом отношении не было разницы между историей Запада и Востока. «Вместе с тем,— пишет Гафуров,— необходимо отметить также конкретные особенности, характерные для периода развития рабовладельческих отношений в Средней Азии. Решающая особенность состоит в том, что здесь в течение всего этого периода ведущую роль в производстве сохраняет сельская община. Общинное землевладение, исключавшее право частной собственности на землю, а также роль ирригации в земледелии вызвали к жизни — в условиях разложения первобытно-общинных отношений — ранние формы государственности, централизованный характер государственной власти на Востоке и специфичный восточный деспотизм» (стр. 96).

Автор правильно считает, что кризис рабовладельческого общества и начало перехода к феодальным отношениям в Средней Азии приходятся на V—VI вв., т. е. на эфталитский и тюркский периоды. Последующая периодизация феодальных отношений в Средней Азии дана автором в следующем виде. В IX—X вв. в Средней Азии было уже сложившееся феодальное общество, которое, однако, в книге не получает в дальнейшем никакого членения вплоть до установления нового периода — «разложения феодализма»,— причём начало последнего автор почему-то относит уже к XVI веку.

С этой частью периодизации истории Средней Азии трудно вполне согласиться. Мне уже пришлось выступать в печати по вопросам периодизации средневековой истории Средней Азии[1]. В своей статье я высказал следующую точку зрения. Переходный период от рабовладельческого общества к феодальному в Средней Азии протекал с V по X век. Это значит, что хотя формы феодальной эксплуатации уже имелись, фактического закрепления крестьян до X в. ещё не было. Поэтому весь этот период, согласно замечаниям И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова на конспект учебника по истории СССР, следует назвать дофеодальным. Б. Г. Гафуров считает IX—X вв. периодом сложившегося феодализма. Но для того, чтобы так утверждать, необходимо доказать, что крестьянство в это время было уже закрепощено(?).

Однако факты не дают нам права этого сказать. На основании источников мы можем только говорить о первых признаках процесса закрепощения. Последнее произошло лишь в следующий период, в XI—XII и дальнейшие века. Вот почему IX—X вв. не следует определять как период «завершения феодализма». Сам же автор пишет: «Необходимо, однако, отметить, что именно при Сельджуках, когда феодальный крестьянин эксплуатировался преимущественно непосредственно владельцем лена — иктадаром, а не через государственный аппарат, происходило фактическое закрепощение крестьянства, хотя формально крепостное право и отсутствовало» (стр. 249). XI—XIV вв. более правильно определять как период формирования феодализма, а XIV—XV вв.— как период его роста и расцвета.

Непонятно, почему Б. Г. Гафуров применяет термин «разложение феодализма» к периоду XVI и последующих веков, тем более, что сам он при этом говорит об усилении в это время в Средней Азии феодальной раздробленности. Термин «разложение феодализма» предполагает тот уровень феодализма, когда уже появляются первые ростки капиталистических отношений. Однако в книге читатель не найдёт для XVI—XVIII вв. никаких указаний на признаки капиталистической формы эксплуатации. Следовательно, термин «разложение» автор понимает в каком-то ином смысле. Но едва ли правильно отходить в этом случае от того значения этого термина, которое принято в марксистской историографии.

Сильной стороной книги является умение автора показать классовую борьбу на всех этапах рабовладельческого и феодального общества. В книге уделяется значительное место народным движениям, как, например, движению Муканны (людей в белых одеждах) во второй половине VIII века. Автор не только рассказывает о событиях, но и даёт их анализ, вскрывает предпосылки и цели движений, показывает расстановку классовых сил, противоречия в лагере временных союзников, даёт характеристику руководителей движений и т. д.

[1] См. А. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXVIII. 1949.

В истории Средней Азии народные движения не раз возникали не только на почве недовольства политикой господствующих классов, но и на почве борьбы за независимость, против завоевателей, как это имело место особенно в периоды арабского (VII—VIII вв.) и монгольского (XIII в.) завоеваний.

Особенно удались автору главы, где описываются движение Муканны и восстание Махмуда Тараби в 1238 году. Он сумел показать, что только народ стоял на страже независимости родины, тогда как господствующие классы переходили на службу к врагам-завоевателям и были их активными союзниками в борьбе против собственного же народа.

Можно было бы отметить ещё ряд положительных сторон разбираемой книги, но и сказанного достаточно, чтобы признать её ценным вкладом в историографию народов, входящих в великий братский Союз Советских Социалистических Республик.

К сожалению, не все вопросы нашли освещение в книге. Не лишена она и фактических ошибок, недосмотров и опечаток. Позволю себе остановиться на некоторых из них.

Говоря о движении Маздака, автор пишет: «Маздак выдвинул учение о том, что сущность вселенной заключается в борьбе двух сил — света и добра, с одной стороны, тьмы и зла — с другой. Эта борьба между силами добра и зла происходит во всех областях природы и общества. В обществе от сил зла возникла частная собственность на землю и вещи» (стр. 109—110). В таком контексте читатель может понять, что учение о борьбе двух сил — добра и зла — впервые было создано Маздаком. На самом деле зороастрийское учение о борьбе двух сил — добра и зла — было перенесено Маздаком на жизнь человеческого общества, на объяснение несправедливого распределения земли и других материальных благ между людьми.

«Политическая раздробленность Средней Азии этого периода,— пишет автор,— вызвана серьёзными коренными изменениями в её общественно-экономическом строе. Начиная с IV в. происходит отмеченное выше зарождение элементов феодальных отношений в Средней Азии. Археологические изыскания обнаруживают множество памятников, немых свидетелей этого процесса. В деревне основным типом поселения и жилья становится замок. Множество маленьких замков отдельных крестьянских семейств — каждый с башней, с бойницами, — обнесённых крепкими стенами, окружённых полями и садами и растянутых вдоль канала на площади в 2—3 десятка квадратных километров, составляет в этот период одно поселение» (стр. 104—105).

Это утверждение в такой категорической форме может быть отнесено только к Хорезму. Только на его территории в этот и последующие периоды можно увидеть замок как типичное поселение земледельческой (крестьянской) патриархальной семьи. В Согде, Бактрии, Фергане, Осрушане, Чаче (Ташкентская область) крестьянство, повидимому, жило дехами — селениями, окружёнными стенами с башнями и укреплёнными воротами. Внутри селений имелся всего один лишь замок владетеля селения, дехкана, крестьяне же укреплённых домов не имели, и в случае нападения врага защитой им служили лишь стены и башни селения.

Рассказывая о жизни Средней Азии в V—VI вв., когда Бактрия (Тохаристан) и Согд находились под властью эфталитов, автор пишет: «Земледелие страны сильно выросло на основе развития ирригации. В этот период оросительные каналы Средней Азии были настолько крупными, что большие речные суда могли беспрепятственно проникать по ним в глубь страны на десятки километров» (стр. 111). Источники позволяют сказать это только о каналах Хорезма, района Мервского оазиса, исчезнувшего со времени монгольского нашествия 1220—1221 гг., и Саракамышской котловины, а это всего лишь небольшая часть Средней Азии. Обобщение, сделанное автором, не обосновано.

Досадно видеть на стр. 133 такую опечатку: «Масча и Буттем — ниже по течению реки». Предполагается, конечно, река Заравшан. Вместо слова «ниже» должно стоять «выше». Между прочим, термин «Буттем» применялся только как географический термин для области в верховьях рек Заравшана: Матчи, Фан-дарьи, Ягноб-дарьи и Искандер-дарьи. Обозначать этим термином отдельное владение неправильно.

Захват арабскими завоевателями в первой половине VIII в. в ряде среднеазиатских городов и крупных селений половины домов, полей и садов был обычным явлением и происходил ещё до массовой пропаганды ислама. Эта мера преследовала цели обогащения арабов за счёт прямого грабежа коренного населения — согдийцев, хорезмийцев и др., и автору не следовало связывать это явление, как он сделал на стр. 143, с неудачей пропаганды ислама.

Абу Муслим не был родом из Средней Азии, как утверждает автор (стр. 151). Основные источники говорят о нём другое. Так, согласно ат-Табари, Абу Муслим был родом из Куфийского Савада (Ирака), по словам Абу Ханифы ад-Динавери, родиной его было одно из селений в окрестностях Исфагана. Другие источники, указывающие на среднеазиатское происхождение Абу Муслима, мне неизвестны.

Багдад был основан халифом ал-Мансуром в 763 г.[2], о чём автор сообщает на стр. 154, а на стр. 155 он пишет: «Халиф Абу-Джаафар ал-Мансур (754—775) в 755 г. пригласил к себе в Багдад Абу Муслима и умертвил его в своём дворце». Как же это было возможно, если в 755 г. халиф ал-Мансур ещё не выбрал даже места для новой столицы?

При изложении истории борьбы Абу Муслима с омейядским наместником в Хорасане и Средней Азии Насром ибн Сейяром (738—748) автору следовало бы специально указать на почти беспрерывные столкновения Насра ибн Сейяра, фанатичного представителя мударитской знати (из северной группы арабских племён) с вождём йеменитской

[2] В книге указывается 762 год.

знати (южноарабская группа племён) ал-Кермани, так как эти столкновения ослабляли позиции Омейядов и арабской власти на востоке халифата. Введение в изложение фактов рассказа о межплеменной распре среди арабов сделало бы более понятными такие быстрые успехи движения Абу Муслима. Характерно, что последний прекрасно ориентировался в политической обстановке на востоке халифата и умел её использовать в интересах аббасидского движения.

Излагая события, связанные с переходом власти на востоке халифата от Тахиридов к Саффаридам (873—900) и упоминая о битве Якуб ибн Ляйса с арабами в местности Дар-ал-Акула (стр. 169), автор, к сожалению, не рассказал, что эту битву Якуб ибн Ляйс проиграл только потому, что отказался от помощи вождя восставших зинджей — Али ибн Мухаммеда (восстание рабов в Ираке в 869—883 гг. против халифата). Якуб ибн Ляйс не счёл возможным вступить в союз с восставшими рабами, так как сам стоял за сохранение рабовладения, хотя прекрасно знал, что совместные действия с зинджами могли бы привести к разгрому аббасидского халифата.

На стр. 170 сказано: «Родоначальник саманидов—Саман—был выходцем из Балха. Есть сведения о том, что, отказавшись в 819 г. от зороастризма, он нашёл себе покровителя в лице наместника Хоросана Асада ибн Абдаллаха и в честь его назвал своего сына Асадом». Здесь явная опечатка в дате. Асад ибн Абдаллах был наместником Хоросана дважды: в 723—727 и в 735—738 годах. Следовательно, указанное событие могло произойти почти на целое столетие раньше, чем сказано в книге.

На той же странице говорится: «В этот период Саманиды были подчинены вначале Тахиридам, а затем Саффаридам». Из текста ясно, что «этот период» — IX век. Следовало бы указать, что в противоположность Тахиридам Саффариды ни при Якуб ибн Ляйсе, ни при Амр ибн Ляйсе не распространяли своей власти на Мавераннахр, т. е. среднеазиатское Междуречье.

Касаясь административного (центрального и местного) управления при Саманидах, автор пишет: «В каждом городе было по одному раису (градоуправитель), на должность которого назначался кто-либо из среды местной городской знати» (стр. 177). Раис не был градоуправителем, последним был «хаким». Раис же был главным представителем интересов города перед хакимом, но, конечно, не интересов народа, а городской знати — светских и духовных феодалов и купцов, причём чаще всего он принадлежал к высшим слоям мусульманского духовенства. Раис назначался центральной властью, но всегда, как сказано и у автора книги, из местной знати.

Неудачен перевод на стр. 179. Автор пишет об Асбару (Исфару), где находились залежи каменного угля: там «есть чёрная гора, которая горит подобно древесному углю». Это место взято у арабского географа ибн Хаукаля [8], и его надо переводить: «Есть гора из чёрных камней, которые горят, подобно углю» (подразумевается древесный уголь).

Упоминаемый на стр. 181 город Кят — столица Южного Хорезма — не имеет формы «Куят», которую употребляет автор.

На стр. 186 имеется досадная опечатка: астронома ферганца звали не аль-Фаранги, а аль-Фергани.

При перечислении крупных учёных-таджиков саманидского времени, писавших на таджикском языке, и их произведений пропущено замечательное географическое сочинение «Худуд-ал Алем» (стр. 188), составленное в конце X в. неизвестным таджикским автором. Сочинение это — один из важнейших источников для изучения хозяйственной и социальной жизни Средней Азии, Персии и Азербайджана в X веке.

Автор говорит, что в монгольское время, в XIII—XIV вв., «оседлое (городское и сельское) население страны, в особенности таджики, оттеснялось в горы и в местности, менее удобные для земледелия. Так же притесняли монголы и те тюркоязычные народности Средней Азии, которые начиная с периода Караханидов и Сельджукидов оседали здесь, вбирая в себя старое таджикское население и смешиваясь с ним» (стр. 301). В источниках XIII, XIV и последующих веков не имеется данных об оттеснении оседлого населения в горы и менее удобные для земледелия местности. Монголов в Мавераннахре было немного, их наиболее крупные группы — барласы и джелаиры — в основной массе в ту эпоху вели кочевой образ жизни. Следовательно, речь могла идти только о тюрках, которые в продолжение всего средневековья переходили на оседлое состояние. Однако и они не вытесняли прежнее оседлое таджикское и тюркское население, а разными способами проникали в земледельческие районы и смешивались с жившими здесь таджиками, передавая по большей части им свой язык. Об уходе в горы оседлого населения речь может идти только в периоды нашествий, когда страна переживала великие бедствия, но и тогда убегали только богатые из городского и сельского населения. В мирное время переход кочевников на оседлое состояние происходил медленно, часто путём захвата отдельных участков оседлого населения, однако без массового ухода последнего в другие места.

Автор пишет: «Налоговая система, установленная монголами, имела следующий вид. Прежде всего на всё население распространялась подушная подать «кунчур» — от одного до десяти динаров» (стр. 303). Здесь, конечно, опечатка: не «кунчур», а «купчур». Нельзя отрицать, что иногда термином «купчур» обозначали и подушную подать. Однако большей частью «купчур» означал налог с пасущихся стад в размере одного процента, который взимался в начале каждого года. Что касается подушного налога, который вопреки Шариату монголы взимали с мусуль-

[8] «Bibliotheca Geographorum Arabicorum», II, стр. 397; см. также ал-Истархи (там же, I, 334).

ман, то уже с XIII в. они обозначали его таджикским термином «саршумор».

К числу более крупных недочётов книги следует отнести значительное сокращение фактического материала при изложении событий после XVI века. В этом отношении особенно бедна глава 19, охватывающая время с 1599 по 1756 год. На полтора столетия отведено всего лишь 20 страниц (359—378).

Два высказанных в книге положения вызывают большие сомнения.

Говоря об англо-русских отношениях, Б. Г. Гафуров пишет: «Руководящая роль Англии в организации поражения царизма в Крымской кампании толкала царизм на поиски территорий, откуда можно было бы угрожать могуществу Англии в Индии. Таковыми были территории Средней Азии, дающие возможность создать плацдарм для дальнейшей экспансии в Индию» (стр. 400). Прежде всего, Англия нападала не на царизм, а на Россию, однако крымское поражение было поражением не России, а русского царизма. Главное же в том, что даже русский царизм не ставил себе специальной цели угрожать Англии в Индии. Он стремился захватить Среднюю Азию, чтобы получить её хлопок. Таким путём он стремился и расширить свой рынок, чего особенно жаждала быстро растущая после реформ 1861 г. русская буржуазия. На это правильно указывает и сам автор. Царизм в то время не столько угрожал Англии, сколько стремился предупредить её намерения захватить Среднюю Азию, а у Англии в период Крымской кампании и непосредственно после неё были на этот счёт самые серьёзные намерения. На это опять-таки правильно указывает автор (стр. 410).

Автор правильно пишет, что присоединением к России Средняя Азия была спасена от захвата её Англией и что судьбы народов Средней Азии, в том числе и таджикского, «соединились с судьбами народов России» (стр. 410). Однако наряду с этим правильным положением он, правда, мимоходом, высказывает более чем сомнительную мысль, что в Средней Азии и «без этого присоединения капиталистические отношения также стали бы развиваться и возможно даже более быстрыми темпами, чем при создавшихся колониальных условиях» (там же). Эта мысль тем более непонятна, что всё предшествующее изложение исключает возможность такого неожиданного заключения (стр. 390).

Таковы в общих чертах замечания на книгу Б. Г. Гафурова. Они не снижают основных достоинств книги — все недостатки легко устранимы и исправимы при новом издании. Особенно важно то, что книга Б. Г. Гафурова имеет продуманную марксистскую периодизацию, хотя последняя и нуждается, как мы выше видели, в некоторых дополнениях, уточнениях и исправлениях. Книга от начала до конца проникнута сталинской идеей дружбы народов, указывает правильный путь в решении сложного вопроса этногенеза таджикского и узбекского народов, пронизана классовой точкой зрения и в пределах известных нам фактов хорошо рисует борьбу таджиков и узбеков против внутренних и иноземных угнетателей. Одной из важнейших своих задач автор считал показать читателю, что богатая, культурная жизнь таджиков и узбеков шла по своим собственным законам, самостоятельными, оригинальными путями. Вместе с тем автор не отрицает в прошлом и даже далёком прошлом фактов культурного взаимодействия с Персией, Китаем, Россией и другими странами. Всё это заслуживает самой положительной оценки.

А. Якубовский

Всеобщая история

L. LONGO. Un popolo alla macchia. I ed. Verona. Mondadori. 1947. 500 p.
Л. ЛОНГО. *Народ в борьбе.*

Готовя третью мировую войну и покушаясь на национальный суверенитет народов Центральной и Южной Европы, англо-американские империалисты с плохо скрываемым страхом и неприязнью вспоминают о недавней борьбе этих народов за свободу и независимость, против гитлеровских оккупантов. Американская же историография прямо твердит, что, собственно, и борьбы-то не было: инертные народы Франции и Италии получили освобождение якобы из рук американских солдат.

Книга заместителя генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго «Народ в борьбе» неопровержимо разоблачает эту неофашистскую клевету американских фальсификаторов истории.

Книга Л. Лонго — это история движения сопротивления в Италии и, в первую очередь, правдивый рассказ о том, как руководила им Итальянская коммунистическая партия. Тот факт, что эта история написана не просто очевидцем и участником движения, а человеком, непосредственно стоявшим у руля событий, придаёт ей документальную убедительность и особый интерес.

Эпопея итальянского сопротивления началась в горах вскоре после оккупации немецкими войсками Центральной и Верхней Италии в сентябре 1943 года. Итальянские войска были окружены в своих казармах и